
ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ФОЛЬКЛОРА

Я.П. Изотова¹

Алтайский государственный педагогический университет

ГАСТРОНОМИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Данная статья посвящена семантике еды в текстах студенческого фольклора, в связи с чем предпринята попытка выделения основных продуктовых составляющих студенческого стола. Рассмотрен алкогольный мотив в студенческой песне, принципы его создания и общая направленность.

Ключевые слова: студенческий фольклор, студенческая песня, бытовой студенческий анекдот, алкогольный мотив.

Y.P. Izotova

Altai State Pedagogical University

A GASTRONOMIC JOURNEY TO STUDENT FOLKLORE

This article deals with the semantics of the food in the student texts of folklore, therefore, attempts to highlight the major food components of the student cuisine are made. The alcoholic motive in the student's song, principles of its creation and its general trend are considered.

Keywords: University folklore, student's song, home student anecdote, alcoholic motive.

Мы голодные студенты,
Ходим-бродим по стране...

¹ Яна Петровна Изотова, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)

Из студенческой песни 50-60 гг. XX века

Студенческий фольклор долгое время не был в фокусе исследовательского внимания, за исключением последнего десятилетия. Сегодня на фоне открывшихся возможностей публикации текстов увеличилось количество исследовательских работ, изучающих фольклор студентов. Это касается и текстов, описывающих собственно студенческий быт: анекдот и студенческая песня – «основные жанры, в которых реализуются представления о студенческом быте» [Шумов, 2003, с.170]¹.

Согласно стереотипному представлению, «студент голоден, не богат, находчив, остроумен, нахален, сексуален» [Шумов, 2003, с.170].

Из содержания песен узнаем, что причиной более чем скромного проживания в общежитии студента является маленькая стипендия, потраченная на молодежные пирушки или другие развлекательные мероприятия, в результате чего он в настоящий момент голоден и плохо выглядит, однако не унывает:

Ох, как мало дано
Три червонца в четыре недели!
Я их пропил давно,
И душа еле держится в теле.
В звоне каждого дня
Не дает мне желудок покоя.
Денег нет у меня,
Жизнь, ты знаешь, что это такое!

(«Я, ребята, студент...» [Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с.46])

Когда поет
В Москве Монтан,
Опустошается студенческий карман,
И сокращаются расходы на питание,

¹ Используются материалы, собранные К.Э. Шумовым и опубликованные в его работе.

Когда поет
В Москве Монтан.
(«Задумчивый голос Монтана...» [Песни студенческие, школьные,
дворовые, 2006, с.47])

Описанием состояния голода студента, часто пародийно преувеличенным, в анекдотах и студенческих песнях подчеркивается его бедственное положение:

Кто не был студентом,
Тому не понять:
Как хочется кушать,
Как хочется спать
[Райкова, 2009, с.30]

Студент пишет письмо домой: «Мама, пришли мне теплые носки, только хорошо заверни их, чтобы они не испачкались салом и колбасой» [Шумов, 2003, с.171].

Идет студент по улице, булку пинает. Второй студент увидел: «Отдай лучше мне». – «Подожди, неудобно с земли при людях поднимать. Вот за угол допинаю, тогда поделимся» [Шумов, 2003, с.172].

Студенческий завтрак в серии анекдотов о поездке студента в трамвае столь мал, что почти не отличается от абонеента, в результате чего оказывается легко потерянным.

В трамвае стоит студент и плачет. Старушка подходит и спрашивает: «Что случилось? Чего плачешь?» – «Абонемент потерял». – «На, возьми мой». Студент взял, но все равно плачет. «Что ж ты опять плачешь?» – «Да в тот абонемент мой завтрак был завернут» [Шумов, 2003, с.171].

Вечно голодный студент из анекдотов, находясь в пункте общественного питания, обычно принимает пищу очень энергично, например, «быстро-быстро суп ест» [Шумов, 2003, с.172], и вообще в столовой ведет себя активно, порой напористо, попадая по этой причине в конфликтные ситуации с другими студентами и профессорами.

В бытовых студенческих анекдотах советского периода

скудному столу студента противопоставлен стол ни в чем не отказывающего себе профессора, который чаще всего в столовой подвергает студента дискриминации. Так, в известном анекдоте в то время, как «очень строгий» профессор «за большим столом обедает один» – «студенты стоят в сторонке и едят стоя», боясь сесть.

Студент в этом анекдоте, для которого столовая – место борьбы за равенство с преподавателем, проявляет завидную смекалку и добивается справедливости, сбивая с обидчика спесь. Он смело «садится сам за стол», а на оскорбительное замечание профессора о том, что «гусь свинье не товарищ», остроумно отвечает: «Вы не беспокойтесь, я за стол с любой свиньей сяду» [Шумов, 2003, с.171].

Объектом осмеяния в бытовых анекдотах середины XX – конца XX века оказываются и сама скудная или некачественная еда, предлагаемая студенту в студенческой столовой, и особенности обслуживания.

Студент в столовой. Спрашивает повара:

– Что это у вас такое? Кофе или помой?

– Вы не можете определить?

– Нет.

– Тогда какая вам разница? [Шумов, 2003, с.172]

Еще одним местом трапезы студента и профессора в анекдотах оказывается купе поезда, в котором профессор демонстрирует свою обеспеченность, а студент – ее отсутствие: «Профессор достает курицу, овощи, фрукты, а студент – селедку». Фрукты, кроме яблок, в свободной продаже появлялись редко, считались дефицитом. Для обычного студента они были недоступны. Отсюда – скрытый социальный конфликт в анекдоте между студентом и преподавателем. Подобно герою социально-бытовой сказки, во время обеда терпящий унижение студент проявляет смекалку за ужином: заставляет надменного и жадного профессора, не желающего по-справедливости делиться, купить селедку за «большие» деньги.

В финале анекдотического повествования профессор спрашивает: «Ты что, бедный такой, одной селедкой питаешься?» – «Да нет, в рыбе – фосфор, а он улучшает работу головного мозга». –

«Продай мне одну селедку». – «Пожалуйста». Сидят, едят. Вдруг профессор и говорит: «Она же пять тысяч стоит, а ты мне ее за десять продал!» – «О! Сразу соображать начали!» [Шумов, 2003, с.172].

Собственно, почти во всех анекдотах голодный студент если пытается добыть себе пропитание, то проявляет при этом находчивость, неприхотливость к еде, отсутствие брезгливости.

В этом ряду – известный анекдот про трех мух (жирную из обкомовской столовой, среднюю – из рабочей и тощую – из студенческой), в котором каждая делится своими жизненными впечатлениями от пребывания в учреждении общепита. «Соль» анекдота – в жалобах мухи, обитающей в студенческой столовой: «Я в студенческой столовой живу. Упаду в тарелку к какому-нибудь студенту, так он меня достанет, обсосет и выбросит. Совсем не наедаюсь» [Шумов, 2003, с.171].

Наиболее популярным, доступным студенческим блюдом в СССР, согласно воспоминаниям студентов прошлых лет, была жареная картошка: «Питались в основном все одинаково. Главной едой была жареная картошка. Три килограмма картошки в аккуратном бумажном пакете (Москва все-таки!) стоили 30 копеек. Жарили на маргарине на толстых чугунных сковородках, которые, наверно, когда-то были закуплены централизованно. Все прочие продукты были только дополнением к картошке» [Московская студенческая общага, электронный ресурс, URL: <http://20th.su/2012/04/23/moskovskaya-studencheskaya-obshhaga-nachala-70-x>].

Любовь студента к картошке находит отражение в ряде анекдотов.

Встречаются два черта в аду. Один тащит на себе студента. Второй спрашивает: «Зачем тебе студент?» – «Суп сварю». – «Брось его. Я тоже хотел. Бросил студента в котел, так пока вода закипала, он у меня всю картошку съел» [Шумов, 2003, с.172].

Также в студенческих общежитиях 50-70-х гг. XX века пользовались популярностью чай и маргарин (по цене 26 копеек за пачку), заменяющий отсутствие более дорогого сливочного масла,

стоившего 3 рубля 60 копеек за килограмм, за которым еще приходилось выстаивать очередь, что не осталось незамеченным студенческим фольклором.

Век живи – век учись,
Попивая чашек с маргарином...

(«Я, ребята, студент...» [Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с.45])

По воспоминаниям московских студентов тех лет, чай пили «бесконечно»: «Чайники были эмалированные, коричневые и зеленые. Девчонки подписывали их лаком для ногтей, чтобы не утащили с кухни» [Московская студенческая общага, электронный ресурс, URL: <http://20th.su/2012/04/23/moskovskaya-studencheskaya-obshhaga-nachala-70-x>], «Причем такая картофельно-чайная диета шла не от бедности (или, вернее, не только от бедности). В институте училось много студентов с Севера, из Средней Азии, из довольно обеспеченных семей. Это просто была традиция. Никому и в голову не приходило купить мясо и возиться с ним» [Московская студенческая общага, электронный ресурс, URL: <http://20th.su/2012/04/23/moskovskaya-studencheskaya-obshhaga-nachala-70-x>].

Образ бедного студента часто сопровождается алкогольным мотивом, с одной стороны, это бытовое пьянство, совершающееся в пивной или «общаге» с молодецкой удалью, соперничеством (кто кого перепьет), желанием произвести впечатление на девушек (мотив вина в студенческих песнях чаще всего сочетается с мотивом любви):

А я различий не терплю, не терплю,
Вино и девушек люблю, да, люблю!
Чтобы все это совместить,
Простым студентом надо быть.

(«В гареме нежится султан...» [Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с.49])

Так наливай студент студентке!
Студентка тоже пьет вино,
Непьющие студентки редки,
Они повымерли давно! («По рюмочке, по маленькой...»

[Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с.44)]

С другой стороны, в алкогольном мотиве трудно не различить мифологического – дионисийского – начала: подобно богу Дионису, студент в фольклоре вечно молод и вечно пьян (с самого «рождения», то есть появления в вузе):

Когда на свет студент родился,
То разошлись небеса,
Оттуда выпала бутылка...

(«По рюмочке, по маленькой...» [Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с.43])

Культовое пьянство в фольклоре приобщает героя к студенческому сообществу, делает его посвященным в традиции альма-матер, без чего не мыслится обучение в высшем учебном заведении. Алкоголь в песенных текстах конкретизируется как водка, «горькая», перцовка, ром, вино, пиво. «С давних времен известно, – пишет А.Л. Ульяновченко, – что пиршества студентов прошлых веков (Средневековья – прим.) сопровождалось обильным количеством выпиваемого спиртного и удовлетворением телесной плоти большим количеством разнообразной пищи. По сравнению с прошлым временем, студенчество не имеет возможности баловать себя большим количеством разнообразной еды, но водка, если в ней есть необходимость, всегда найдется» [Ульянченко, электронный ресурс, URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bytovanie-chastushek-v-studencheskoj-subkulture>]. Описание употребления напитков часто не лишено пафоса и театрализации:

Когда за столом мы все рядом,
Не пить нам, конечно, нельзя.
Давайте ж бокалы с рубиновым ядом
За счастье поднимем, друзья!

(«Гимн МАИ» [Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с.55]).

В студенческих песнях не воспевается пьянство как таковое, а с неизменной самоиронией сообщается о тяжелой, непосильной студенческой доле, которую можно облегчить лишь горячительным,

выпитым обычно в компании надежных, поддерживающих друзей, и лишь в самых тяжелых случаях (таких, как сессия, исключение из института) – одному¹.

Таким образом, герои песен видят в употреблении алкоголя преимущественно разрешение учебных проблем:

Нальем мы молча грамм по 200,

Ударит водка по мозгам.

Никто теперь нам не поможет

И чудо не поможет нам

(«Нас исключат из института...» [сайт Pesni.net, электронный ресурс, URL: <http://www.pesni.net/text/peredelannye-pesni-parodii/nas-isklyuchat-iz-instituta>]).

У меня депрессия,

И я беру стакан,

А что такое сессия,

Пусть думает декан

[Райкова, 2009, с.30]

Герой студенческой песни воспеваает алкоголь еще и потому, что опьянен свободой, отсутствием родительской опеки. Для него употребление спиртного в компании сверстников – и бравада, и обретение «взрослого» опыта (для школьников в силу возраста употребление спиртного не характерно, и считается, согласно общественным нормам, запретным). Приобщение к алкогольной культуре вчерашнего школьника делает его в собственных глазах более коммуникабельным, «своим» в новом коллективе. Неслучайно психологи алкоголь называют «социальной смазкой», облегчающей участие в молодежных тусовках и вечеринках, где стирается разница между участниками.

¹ Нельзя не разделить мнения исследователя А.Л. Ульянченко о том, что «не все могут совладать с собой в трудной, критической для студента ситуации сдачи экзаменационной сессии в ВУЗе – это дело порой становится очень сложным для выполнения из-за беспечности студентов или их загруженности на работе» [Ульянченко, электронный ресурс, URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bytovanie-chastushek-v-studencheskoy-subkulture>].

Дозы спиртного, принимаемые студентами, и сама тяга к употреблению алкоголя, описываемые в фольклорных текстах, как правило, гиперболизированы, что вызывает комический эффект. Так, примером гиперболизации может служить припев известной с XIX века студенческой песни «По рюмочке, по маленькой...»

По рюмочке,
По маленькой
Налей, налей, налей!
По рюмочке, по маленькой,
Чем поят лошадей.

[Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с.43]

В студенческой песне, популярной с послевоенных лет, «В пещере каменной...» поступательно сообщается о находках археологов, первая из которых очень мала – «наперсток водки»:

В пещере каменной нашли наперсток водки,
И хвост селедочный лежал на сковородке.
Эх, мало водки, мало!
И закуски, братцы, тоже мало.

Последовательно находят напиток во все больших емкостях: «рюмашку», «стаканчик», «бутылку», «бочонок», «цистерну». Заканчивается песня сообщением о том, что «нашли источник водки».

В пещере каменной нашли источник водки,
И стадо мамонтов паслось на сковородке.
Эх, мало водки, мало!
И закуски, братцы, тоже мало.

[Сайт a-pesni, URL: <http://a-pesni.org/index.php>]

Таким образом, семантическое пространство, содержащее алкоголь, увеличивается по принципу матрешки до необъятных размеров.

Алкоголь меняет правильный, «административный» взгляд на учебный процесс, позволяет избрать иную точку зрения на достаточно регламентированную жизнь студента:

Так выпьем за гулявших,
За ни черта не знавших,
За сессии сдававших наобум!

«В первые минуты Бог создал институты...» [Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с. 43]

Изображением в песенных текстах нарочито легкомысленного поведения, передачей напускной смелости бросается вызов «взрослой» вузовской общественности:

От зари до зари,
Как зажгут фонари,
Все студенты в саду собираются.
Они горькую пьют,
На начальство плюют
И еще кое-чем занимаются.

«От зари до зари...» [Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с.39]

Студент в фольклоре традиционно оппозиционен по отношению к деканату и профессорам, и в этом просматривается недавнее школярское прошлое студентов. От представителей деканата студентов отличает даже приверженность к разным напиткам. Так, Гимне МАИ звучит призыв поставить «бутылки с перцовкой иль ромом/ На стол меж конспектов и книг», в то время декан, который непременно «осудит», пьет «быть может, кефир» («Гимн МАИ» [Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с. 55]). Согласно наблюдению А.Л. Ульяновченко, «состояние алкогольного опьянения молодых людей можно объяснить чаще всего противопоставлением взрослым с их ценностями, стереотипами, мировоззрением – это так называемый «аксиологический бунт» – противостояние ценностей молодого и старшего поколения» [Ульяновченко, электронный ресурс, URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bytovanie-chastushek-v-studencheskoy-subkulture>].

В студенческих песнях есть упоминание деликатесов, но тогда, когда речь идет о бывших студентах. Так, в песне «Жил один студент на факультете...» не попавший в аспирантуру молодой человек, имевший возможность «подсчитывать доход» в Магадане, по приезде в Москву «при деньгах», на родину своей альма-матер, может позволить себе «водку пить и шпроты жрать», и «студентов угощать». Шпроты, как известно, в СССР «стоили недешево, а потому задолго до

эпохи застоя с её праздничными наборами заслужили статус деликатеса» и воспринимались как своего рода «единица измерения качества жизни» [Cigar Clan 3'2012. URL: <http://www.cigarclan.ru/first-class/fc-articles/te-samye-shproty>]. В песне об употреблении шпрот сообщается с иронией и грустью, а предательство бывшим студентом идей юности, вызывает сочувствие, так как у него, вернувшегося «инженером старым с толстым чемоданом», «не искрится молодость в глазах» («Жил один студент на факультете...») [Песни студенческие, школьные, дворовые, 2006, с. 61]).

Таким образом, студенческий стол середины – конца прошлого столетия в фольклорных произведениях лишен разнообразия, что вполне соответствует стереотипным представлениям о студенческом быте и «голодном студенте». Основными составляющими скромного «продуктового набора» явились самые необходимые, доступные по цене, магазинные продукты, не являвшиеся в СССР дефицитом. Собственно, отсутствие акцентуации внимания создателей фольклорных текстов на описании еды студента, может объясняться и частичной включенностью его в быт: студент по природе своей неприхотлив, он питается только ради поддержания телесной формы, физических сил, необходимых для учебы.

Что касается алкогольного мотива, то его развитие в русском студенческом фольклоре середины – конца XX века находится в русле мировых студенческих традиций, для которых «характерно прославление пьянства и свободы нравов, опровержение канонов» [Шумов, 2003, с.165]. В основе его формирования – игровое начало, театральность. Создатели текстов, наслаждаясь собственным молодым остроумием, вряд ли рассчитывают на серьезное их восприятие, хотя немалая «доля правды» в описании студенческого быта есть. Тексты бывают созданы, как правило, обычными студентами (никак не алкоголиками), делающими успехи в учебе, спорте, общественной жизни вуза, становящимися впоследствии хорошими специалистами и достойными гражданами страны. В том, что алкогольный мотив стал значимым в песенном фольклоре студентов, еще не совсем зрелых

людей, в нарушении приличий видится эпатажное стремление к противостоянию «деканату» – вечное противостояние детей-студентов отцам-профессорам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Московская студенческая общага начала 70-х. [Электронный ресурс]. – URL: <http://20th.su/2012/04/23/moskovskaya-studencheskaya-obshhaga-nachala-70-x>. (06.05.2015)

Песни студенческие, школьные, дворовые / Сост. М.Баранова. – М.: Эксмо, 2006. – 384 с.

Райкова, И.Н. Традиции и фольклор московских студентов / И.Н. Райкова // Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д.В. Громов. – М.: ИЭА РАН, 2009. – С. 26-48.

Сайт a-pesni. – URL: <http://a-pesni.org/index.php>. (06.05.2015)

Сайт Pesni.net. – URL: <http://www.pesni.net/text/peredelannye-pesni-parodii/nas-isklyuchat-iz-instituta>. (06.05.2015)

Ульянченко, А.Л. Бытование частушек в молодежной субкультуре // А.Л. Ульянченко // Science Time. – 2014. – Вып. № 6 (6). [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bytovanie-chastushek-v-studencheskoj-subkulture>. (06.05.2015)

Шумов, К.Э. Студенческие традиции / К.Э. Шумов // Современный городской фольклор. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. – С.165-179.

Cigar Clan 3'2012. – URL: <http://www.cigarclan.ru/first-class/fc-articles/te-samyeshproty>. (06.05.2015)